

Толстой Лев Николаевич

**Где любовь, там и бог:
Рассказ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Где любовь, там и бог: Рассказ / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77212-9

ISBN 978-5-519-77212-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.

Жилъ въ городѣ сапожникъ мартынъ Авдѣичъ. Жилъ онъ въ подвалѣ въ горенкѣ объ одномъ окнѣ. Окно было на улицу. Въ окно видно было, какъ проходили люди. Хоть видны были только ноги, но Мартынъ Авдѣичъ по сапогамъ узнавалъ людей. Мартынъ Авдѣичъ жилъ давно на одномъ мѣстѣ, и знакомства много было. Рѣдкая пара сапогъ въ околоткѣ не побывала и разъ и два у него въ рукахъ. На какіе подметки подкинетъ, на какіе латки положитъ, какіе обшьетъ, а въ другой разъ и новыя головки сдѣлаетъ. И часто въ окно онъ видѣлъ свою работу. Работы было много, потому что работалъ Авдѣичъ прочно, товаръ ставилъ хорошій, лишняго не бралъ и слово держалъ. Если можетъ къ сроку сдѣлать — возьмется, а нѣтъ, такъ и обманывать не станетъ, впередъ говорить. И знали всѣ Авдѣича, и у

него не переводилась работа. Авдѣичъ и всегда былъ человѣкъ хорошій, но подѣ старость сталъ онъ больше о душѣ своей думать и больше къ Богу приближаться. Еще когда Мартынъ у хозяина жилъ, померла у него жена. И остался послѣ жены одинъ мальчикъ — трѣхъ годовъ. Дѣти у нихъ не жили. Старшіе всѣ прежде померли. Хотѣлъ сначала Мартынъ сынишку сестрѣ въ деревню отдать, потомъ пожалѣлъ, подумалъ: „Тяжело будетъ Капитошкѣ моему въ чужой семьѣ расти, оставлю его при себѣ“. И отошелъ Авдѣичъ отъ хозяина и сталъ съ сынишкой на квартирѣ жить. Да не далъ Богъ Авдѣичу въ дѣтяхъ счастья. Только подросъ мальчикъ, сталъ отцу помогать, только бы на него радоваться, — напала на Капитошку болѣзнь, слегъ мальчикъ, погорѣлъ недѣлку и померъ. Схоронилъ Мартынъ сына и отчаялся. Такъ отчаялся, что сталъ на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартына, что не разъ просилъ у Бога смерти и укорялъ Бога за то, что Онъ не его старика, прибралъ, а любимаго, единственнаго сына. Пересталъ Авдѣичъ и въ церковь ходить. И вотъ зашелъ разъ къ Авдѣичу отъ Троицы землякъ-старичокъ — ужь восьмой

годъ странствовалъ. Разговорился съ нимъ Авдѣичъ и сталъ ему на свое горе жаловаться.

— И жить,—говорить,—Божій чловѣкъ, больше не охота. Только бы помереть. Объ одномъ Бога прошу. Безнадежный я остался теперь чловѣкъ.

И сказалъ ему старичокъ:

— Не хорошо ты говоришь, Мартынъ, намъ нельзя Божьи дѣла судить. Не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ. Твоему сыну судить Богъ помереть, а тебѣ—жить. Значить, такъ лучше. А что отчаиваешься, такъ это оттого, что ты для своей радости жить хочешь.

— А для него же жить-то? — спросилъ Мартынъ.

И старичокъ сказавъ:

— Для Бога, Мартынъ, жить надо. Онъ тебѣ жизнь даетъ, для Него и жить надо. Когда для него жить станешь, ни о чемъ тужить не станешь, и все тебѣ легко покажется.

Помолчалъ Мартынъ и говоритъ:

— А какъ же для Бога жить-то?

И сказалъ старичокъ:

— А жить какъ для Бога, то намъ Христосъ показалъ. Ты грамотъ знаешь? купи

жилъ основаніе на камнѣ, почему, когда случилось наводненіе и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ. А слушающій и не исполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ обрушился; и разрушеніе дома сего было великое.

Прочиталъ эти слова Авдѣичъ, и радостно ему стало на душѣ. Снялъ онъ очки, положилъ на книгу, облокотился на столъ и задумался. И сталъ онъ примѣрять свою жизнь къ словамъ этимъ. И думаетъ самъ съ собой:

„Что мой домъ на камнѣ или на пескѣ? Хорошо, какъ на камнѣ. И легко такъ-то одинъ сидишь: кажется, все и едѣлалъ, какъ Богъ велитъ, а разсѣнешся — и опять согрѣшишь. Все жъ буду тянуться. Ужъ хорошо очень! Помоги мнѣ, Господи!“

Подумалъ онъ такъ, хотѣлъ ложиться, да жалъ было оторваться отъ книги. И сталъ читать еще 7-ю главу. Прочелъ онъ про сотника, прочелъ про сына вдовы, прочелъ про отвѣтъ ученикамъ Іоанновымъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ богатый фарисей позвалъ Господа къ себѣ въ гости, и прочелъ о томъ,

какъ женщина-грѣшница помазала Ему ноги и омывала ихъ слезами, и какъ Онъ оправдалъ ее. И дошелъ онъ до 44-го стиха и сталъ читать:

„И обратившись къ женщинѣ, сказалъ Симону; видишь ли ты сію женщину? Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ; а она слезами облила Мнѣ ноги и волосами головы своей отерла. Ты цѣлованія Мнѣ не далъ, а она съ тѣхъ поръ, какъ Я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у Меня ноги. Ты головы мнѣ масломъ не помазалъ; а она мѣромъ помазала мнѣ ноги“. Прочелъ онъ эти слова и думаетъ:

— *„Воды на ноги не далъ, цѣлованія не далъ, головы масломъ не помазалъ“...*

И опять снялъ очки Авдѣичъ, положилъ на книгу и опять задумался.

— Такой же, видно, какъ и я, фарисей-то былъ. Тоже, я чай, только о себѣ помнилъ. Какъ бы чайку напиться, да въ теплѣ, да въ холѣ, а нѣтъ того, чтобы о гостѣ подумать. Объ себѣ помнилъ, а объ гостѣ и заботушки нѣтъ. А гость-то кто? Самъ Господь. Кабы ко мнѣ пришелъ, развѣ я такъ бы сдѣлалъ?

Евангеліе и читай: тамъ узнаешь, какъ для Бога жить. Тамъ все показано.

И запали эти слова въ сердце Авеѣичу, И пошелъ онъ въ тотъ же день, купить себѣ Новый Завѣтъ крупной печати и сталъ читать.

Хотѣлъ Авдѣичъ читать только по праздникамъ, да какъ началъ читать, такъ ему на душѣ хорошо стало, что сталъ каждый день читать. Другой разъ такъ зачитается, что въ лампы весь керосинъ выгорить, а все отъ книги оторваться не можетъ. И сталъ такъ читать Авдѣичъ каждый вечеръ. И что больше читалъ, то яснѣе понималъ, чего отъ него Богъ хочетъ и какъ надо для Бога жить, и все легче и легче ему становилось на сердцѣ. Бывало, прежде, спать ложится, охаетъ онъ и крехчетъ, и все про Капитошку вспоминаетъ, а теперь только приговариваетъ: „Слава Тебѣ, слава Тебѣ, Господи! Твоя воля“. И съ той поры перемѣнилась вся жизнь Авдѣича. Бывало прежде, праздничнымъ дѣломъ, захаживалъ онъ въ трактиръ чайку попить, да и отъ водочки не отказывался. Выпьетъ бывало съ знакомымъ человѣкомъ и хоть не пьянъ, а все-таки выходитъ изъ трактира навеселѣ и говаривать

пустое: и окрикнетъ, и оговорить человѣка. Теперь все это само отошло отъ него. Жизнь стала его тихая и радостная. Съ утра садится за работу, отработаетъ свое время, сниметъ лампочку съ крючка, поставитъ на столъ, достанетъ съ полки книгу, разложитъ и сядетъ читать. И что больше читаетъ, то больше понимаетъ, и то яснѣе и веселѣе на сердцѣ.

Случилось разъ, поздно зачитался Мартынь. Читалъ онъ Евангеліе отъ Луки. Прочелъ онъ главу шестую, прочелъ онъ стихи: „Ударившему тебя по щекѣ подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рабашку. Всякому просящему у тебя давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ. И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“.

Прочелъ и дальше тѣ стихи, гдѣ Господь говоритъ:

„Что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю? Всякій, приходящій ко Мнѣ и слушающій слова Мои и исполняющій ихъ, скажу вамъ, кому подобенъ: онъ подобенъ человѣку, строющему домъ, который копалъ, углубился и поло-

И облакотился на обѣ руки Авдѣичъ и не видалъ какъ задремалъ.

— Мартынь! — вдругъ какъ задышало что-то у него надъ ухомъ,

Встрепенулся Мартынь спросонокъ.

— Кто тутъ?

Повернулся онъ, взглянулъ на дверь — никого. Прикурнулъ онъ опять. Вдругъ явно слышитъ:

— Мартынь! а, Мартынь! смотри завтра на улицу, — приду.

Очнулся Мартынь, поднялся со стула, сталъ протеръ глаза. И не знаетъ самъ — во снѣ или наяву слышалъ онъ слова эти. Завернулъ онъ лампу и легъ спать.

На утро до свѣта поднялся Авдѣичъ, помолился Богу, истопилъ печку, поставилъ щи, кашу, развелъ самоваръ, надѣлъ фартукъ и сѣлъ къ окну работать. Сидитъ Авдѣичъ, работаетъ, а самъ все про вчерашнее думаетъ. И думаетъ на двое: то, думаетъ, номерещилось, а то думаетъ, что и вправду слышалъ онъ голосъ. Что жъ, думаетъ, бывало и это.

Сидитъ Мартынь у окна, и столько не работаетъ, сколько въ окно смотреть, и какъ пройдетъ кто въ незнакомыхъ сапогахъ, изо-

гнется, выглядываетъ изъ окна, чтобы не одна нога, а и лицо увидеть. Прошелъ дворникъ въ новыхъ валенкахъ, прошелъ водовозъ, потомъ поровнялся съ окномъ старый солдатъ николаевскій въ обшитыхъ старыхъ валенкахъ, съ лопатой въ рукахъ. По валенкамъ узналъ его Авдѣичъ. Старика звали Степанычемъ, и жилъ онъ у сосѣдняго купца изъ милости. Положена ему была должность дворнику помогать. Сталъ противъ Авдѣичева окна Степанычъ очищать снѣгъ. Посмотрѣлъ на него Авдѣичъ и опять взялся за работу.

— Вишь, одурѣлъ, видно, я со старости, — самъ на себя посмѣялся Авдѣичъ. — Степанычъ снѣгъ чистить, а я думаю — Христосъ ко мнѣ идетъ. Совсѣмъ одурѣлъ, старый хрычъ.

Однако стежковъ десѣтокъ сдѣлалъ Авдѣичъ, и опять тянетъ его въ окно посмотреть. Посмотрѣлъ опять въ окно, видитъ: Степанычъ прислонилъ лопату къ стѣнѣ, и самъ не то грѣется, не то отдыхаетъ.

„Человѣкъ старый, ломаный, — видно, и снѣгъ-то сгребать силы нѣтъ, — подумалъ Авдѣичъ. — Напоить его развѣ чайкомъ, кстати и самоваръ уходить хочетъ?

Воткнулъ Авдѣичъ шило, всталъ, поставилъ на столъ самоваръ, залилъ чай и постучалъ пальцемъ въ стекло. Степанычъ обернулся и подошелъ къ окну. Авдѣичъ поманилъ его и пошелъ отворить дверь.

— Войди, погрѣйся, что ль, — сказалъ онъ. — Озябъ, чай?

— Спаси Христось, и то кости ломаютъ, — сказалъ Степанычъ.

Вошелъ Степанычъ, отряхнулся отъ снѣга, сталъ ноги вытирать, чтобы не наслѣдить на полу, а самъ шатается.

— Не трудись вытирать. Я подотру, наше дѣло такое: проходи, садись, — сказалъ Авдѣичъ. — Вотъ чайку выпей.

И Авдѣичъ налилъ два стакана и подвинулъ одинъ гостю, а самъ вылилъ свой въ блюдечко и сталъ дуть.

Выпилъ Степанычъ свой стаканъ, перевернулъ его дномъ кверху и на него положилъ огрызокъ, и сталъ благодарить. А самому, видно, еще хочется.

— Кушай еще, — сказать Авдѣичъ и налилъ еще стаканъ и себѣ и гостю.

Пьетъ Авдѣичъ свой чай, а самъ нѣтъ-нѣтъ на улицу поглядываетъ.

— Или ждешь кого? — спросилъ гость.